Столѣтній юбилей Отечественной войны 1812–1912

В. Клитинъ.

НОВОЧЕРКАССКЪ.
Типографія „Донской Печатникъ".
1912

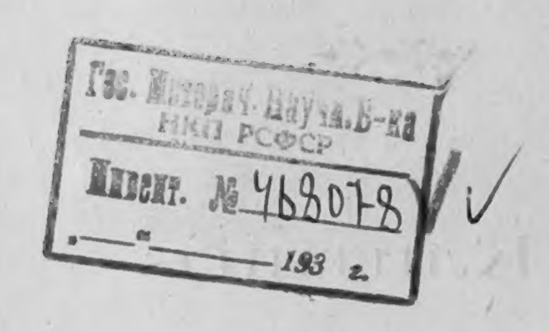
Столѣтній юбилей отечественной войны 1812–1912

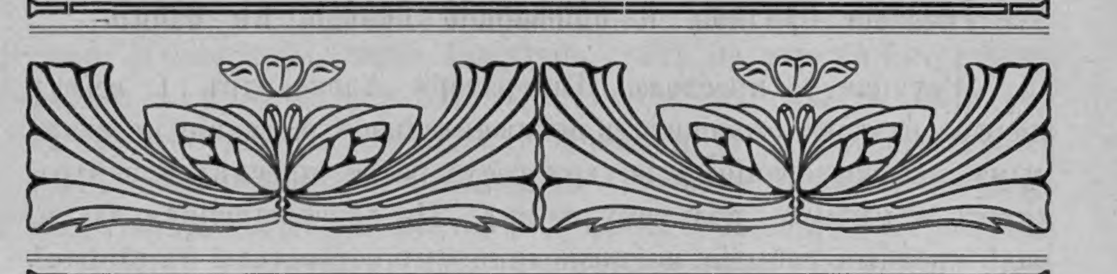

В. Клитинъ.

НОВОЧЕРКАССКЪ.
Типографія „Донской Печатникъ".
1912

Гос. Литерат. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 468078
193 г.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ царствованіе Императора Александра I, въ 1812 году, на Россію обрушилось тяжелое испытаніе: она подверглась нашествію почти всѣхъ народовъ Западной Европы, во главѣ съ величайшимъ полководцемъ новаго времени, Императоромъ Франціи Наполеономъ I Бонапартомъ.

Казалось, всѣ обстоятельства—и военный геній полководца, и боевая опытность его войскъ, и численный перевѣсъ непріятельской арміи, почти втрое превосходившей наши силы,—сулили Россіи печальную участь,—подпасть подъ желѣзное иго непобѣдимаго завоевателя, какъ то произошло почти со всей континентальной Европой.

Но этому не суждено было случиться... Счастье, сопутствовавшее Наполеону въ его прежнихъ походахъ, на необозримыхъ поляхъ Россіи вдругъ оставило баловня судьбы. Оно разбилось о всеобщее патріотическое воодушевленіе, могучимъ потокомъ охватившее всѣхъ въ Россіи, начиная съ ея Верховнаго вождя и кончая послѣднимъ простолюдиномъ.

Эта героическая и безпримѣрная въ исторіи борьба Восточной Европы съ Западной, стоившая той и другой сторонѣ неисчислимыхъ жертвъ, покрыла Россію и русскій народъ громкой и на вѣки неизгладимой славой.

Сколько безпредѣльнаго самоотверженія, сколько выдающейся доблести и ума проявили „наши дѣды и отцы“ въ трудныя минуты страшнаго историческаго водоворота! Нѣтъ такихъ словъ и выраженій, въ какія могла бы облечься человѣческая мысль, чтобы достойнымъ образомъ изобразить ихъ безсмертныя дѣла, вѣчно достойныя подражанія.

Главныя причины и ближайшіе поводы къ войнѣ.

Вступая на престолъ, Императоръ Александръ I имѣлъ твердое намѣреніе посвятить исключительное вниманіе неотложнымъ преобразованіямъ внутри государства, преслѣдуя нейтралитетъ и мирную политику во-внѣ. Но совершавшіяся на Западѣ грозныя событія не позволили ему оставаться въ сторонѣ отъ дѣлъ обще-европейской политики, и онъ принялъ непосредственное участіе въ ожесточенной борьбѣ, происходившей на континентѣ Европы.

Императоръ Александръ съ рыцарскимъ благородствомъ сдѣлалъ все, что было возможно, для возстановленія чести Европы, „поруганной маленькимъ поручикомъ, дерзнувшимъ возсѣсть на престолѣ Великаго Людовика".

Однако, несмотря на рѣдкое геройство русскихъ войскъ и рядъ отдѣльныхъ побѣдъ, одержанныхъ нами надъ французами, вооруженное вмѣшательство Россіи въ защиту правъ другихъ народовъ, попираемыхъ произволомъ и самовластіемъ знаменитаго завоевателя, не остановило его побѣдоноснаго шествія по Европѣ. Австрія и Пруссія, главныя континентальныя державы Западной Европы, дѣйствуя вяло и выказывая изумительное малодушіе, не избѣжали общей доли другихъ народовъ Запада и, низведенныя на степень полнаго ничтожества, должны были подчиниться неизбѣжной необходимости—признать надъ собой власть непобѣдимаго полководца.

Послѣ этого Императоръ Александръ не видѣлъ никакого другого исхода, какъ рѣшиться, съ сохраненіемъ, однако, достоинства Россіи, на заключеніе мира и союза съ Наполеономъ. Но Тильзитскій миръ (1807 г.) не оправдалъ ожиданій Императора Александра и не установилъ спокойствія въ Европѣ.

Союзъ съ Россіей былъ необходимъ Наполеону, какъ средство привлечь Россію на свою сторону и получить ея помощь въ замышляемой имъ общей борьбѣ всей Европы съ „владычицей морей"—Англіей, непримиримымъ врагомъ Франціи. Наполеонъ, какъ ловкій лицемѣръ, разсчитывалъ, подъ личиною искренняго расположенія къ Императору Александру, сдѣлать его орудіемъ своихъ плановъ. Онъ думалъ встрѣтить въ русскомъ Царѣ наивнаго мечтателя, покорнаго слугу своимъ интересамъ; но Императоръ Александръ оказался болѣе зоркимъ и проницательнымъ, чѣмъ о немъ полагалъ Наполеонъ.

Понявъ тайные замыслы, хранившіеся въ душѣ французскаго Императора, нашъ Государь сталъ на стражѣ интересовъ Россіи и былъ далекъ отъ того, чтобы жертвовать выгодами своего государства въ пользу Франціи. Но неограниченный властелинъ Франціи и повелитель Западной Европы не могъ допустить, чтобы „на Востокѣ Европы существовала великая загадочная для него страна, не признававшая его власти". Цезарь новѣйшихъ временъ, который своими мечтами о всегосподствѣ превосходилъ даже всѣхъ знаменитыхъ завоевателей древняго міра, не считалъ невозможнымъ силою оружія и военнаго генія привести въ зависимость отъ Франціи и Сѣверный колоссъ, Россію.

Императоръ Александръ видѣлъ, какъ сквозь краснорѣчивыя завѣренія въ дружбѣ французскаго Императора просвѣчивала весьма недвусмысленная угроза свободѣ русскаго народа. Сквозь ласковыя и убаюкивающія рѣчи дипломатическихъ переговоровъ начиналъ уже раздаваться лязгъ оружія. Впрочемъ, не только для Императора и узкаго круга русскихъ государственныхъ дѣятелей тайныя намѣренія Наполеона уже съ 1810 года были вполнѣ ясны, но и въ широкихъ кругахъ русскаго общества и даже въ народѣ чувствовалось приближеніе грозы. Ни для кого уже болѣе не было тайной, что искусственное объединеніе подневольнымъ союзомъ въ рукахъ великаго завоевателя почти всѣхъ европейскихъ державъ и огромныя военныя средства, которыя съ лихорадочной поспѣшностью собирались Наполеономъ еще съ начала 1810 года на Рейнѣ, имѣли одну тщательно маскируемую цѣль—борьбу съ Россіей, единственной континентальной державой Европы, еще вполнѣ независимо распоряжавшейся своими внутренними и внѣшними дѣлами. Для всѣхъ было очевидно, что искусственная дружба Императора Александра съ Наполеономъ быстро близилась къ концу.

Стремленіе Наполеона, во вредъ интересамъ Россіи и несмотря на протестъ Императора Александра, расширить предѣлы герцогства Варшавскаго, съ преобразованіемъ его въ самостоятельное Польское королевство, и самовластный захватъ имъ, въ числѣ другихъ земель Германіи, и герцогства Ольденбургскаго, связаннаго узами династическаго родства съ русской державой и находившагося подъ покровительствомъ послѣдней, съ одной стороны,—не слишкомъ строгое исполненіе

Россіей требованій французскаго правительства относительно закрытія всѣхъ русскихъ рынковъ для торговли съ Англіей, запретъ на многіе предметы роскоши, доставляемые къ намъ сухимъ путемъ изъ Франціи, и, наконецъ, отказъ Наполеону въ рукѣ великой княжны Анны Павловны, съ другой—ускорили неминуемую развязку.

Миролюбивыя попытки Императора Александра I и вызывающее поведеніе Наполеона передъ открытіемъ вооруженныхъ дѣйствій.

Политическое положеніе Россіи, накануне разрыва съ Франціей, было далеко не блестящимъ: не говоря уже о томъ, что въ предстоявшей борьбѣ съ Наполеономъ мы должны были полагаться исключительно на свои собственныя силы, на югѣ у насъ еще не была окончена война съ Турціей, поддерживаемой со стороны Франціи, въ Закавказьѣ осложнились отношенія къ Персіи изъ-за обладанія Грузіей, на сѣверѣ волновалась только что присоединенная отъ Швеціи Финляндія.

Не удивительно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, разрывъ съ Франціей и уже опредѣленные слухи о гигантскихъ приготовленіяхъ къ войнѣ еще столь недавняго друга Императора Александра вызывали въ Россіи тревогу, и возбужденные умы старались разгадать, найдетъ ли нашъ Государь достаточно душевныхъ силъ, чтобы противостоять всесокрушающему могуществу великаго завоевателя, и выдержитъ ли Россія грозный натискъ Наполеоновскихъ войскъ.

Вполнѣ понятно, что доброму, нѣжному и человѣколюбивому сердцу русскаго Государя было больно и тяжело рѣшиться на крайній шагъ, который неминуемо долженъ былъ повлечь за собой всѣ ужасныя послѣдствія войны. Вотъ почему до послѣдней минуты, когда неизбѣжность войны не подлежала болѣе сомнѣнію, онъ всѣми мѣрами старался предотвратить эту горькую чашу.

Для необыкновенной войны съ Россіей Наполеономъ было собрано около полумилліона отборнаго, хотя и разноплеменнаго, войска. Въ составъ этой колоссальной арміи входили, кромѣ французовъ, представители и другихъ народовъ Европы, поко-

ренныхъ имъ. Поистинѣ это было нашествіе „двунадесяти языковъ“. Снабженная прекрасной артиллеріей, значительнымъ количествомъ боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ, „великая армія“, перейдя черезъ р.р Одеръ и Вислу, медленно подвигалась къ русскимъ границамъ, готовая по первому сигналу вступить въ предѣлы Россіи.

Въ половинѣ мая 1812 года Наполеонъ пріѣхалъ въ Дрезденъ, столицу саксонскаго королевства, куда собрались и всѣ подчиненные ему государи, и въ томъ числѣ Императоръ Австрійскій и Король Прусскій. Этотъ блестящій съѣздъ коронованныхъ особъ, которымъ Наполеонъ хотѣлъ показать, что война Франціи съ Россіей была войной обще-европейской, въ то же время, по его мнѣнію, долженъ былъ представить собой рѣзкій контрастъ съ одиночествомъ Императора Александра, покинутаго всѣми. Наполеонъ думалъ, что русскій Императоръ, можетъ быть, испугается своего одиночества, но вскорѣ ему пришлось убѣдиться въ противномъ.

Въ виду грозящей опасности, въ виду возможнаго порабощенія Россіи, Императоръ Александръ сердцемъ и духомъ сливается съ своимъ народомъ. Это уже не отвлеченный мечтатель, а русскій Царь, сознающій свою отвѣтственность передъ Богомъ и передъ родиной. Всегда мягкій и кроткій, онъ вдругъ исполняется грозной рѣшимостью. Его слова французскому послу, накапунѣ окончательнаго разрыва съ Франціей: „Я не начну войны, но я не положу оружія до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи“— были только эхомъ того, что чувствовала и переживала вся Россія. Оглушенный громомъ своихъ побѣдъ, Наполеонъ въ этихъ словахъ не услышалъ пока глухихъ раскатовъ грома народнаго негодованія, выразителемъ котораго выступилъ передъ нимъ русскій Государь. „Посмотримъ“, отвѣтилъ онъ на слова Императора Александра, „посмотримъ, не уступитъ ли твердость русскаго Государя силѣ обстоятельствъ“,—и вслѣдъ затѣмъ отдалъ приказъ о наступленіи „великой арміи“.

Съ чрезвычайной самоувѣренностью и горделивымъ задоромъ счастливаго завоевателя Императоръ Франціи говорилъ въ своемъ приказѣ по арміи: „Солдаты! Россія увлекается рокомъ! Она не избѣгнетъ судьбы своей. Неужели она думаетъ, что мы измѣнились? Развѣ мы уже не воины Аустерлица? Впередъ! Перейдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ пре-

дѣлы Россіи! Вторая польская война началась; подобно первой, она прославитъ оружіе французское; но миръ, который мы заключимъ теперь, будетъ прочнѣе и положитъ конецъ пятидесятилѣтнему кичливому вліянію Россіи на дѣла Европы".

До сихъ поръ знавшій въ жизни одинъ головокружительный успѣхъ, повелитель Западной Европы былъ вполнѣ увѣренъ, что походъ въ Россію будетъ новымъ тріумфальнымъ шествіемъ его побѣдной колесницы. Въ своемъ воззваніи къ войскамъ называя войну съ Россіей второй польской войной, Наполеонъ думалъ, что все дѣло ограничится сраженіемъ въ предѣлахъ юго-западной Россіи; причемъ онъ надѣялся, что одержитъ надъ нами такую же побѣду, какую одержалъ надъ русско-австрійскими войсками при Аустерлицѣ (1805 г.), и Императоръ Александръ принужденъ будетъ вступить съ нимъ въ переговоры о мирѣ на условіи полнаго подчиненія Россіи его власти. Отправляя въ Варшаву своего посла, Наполеонъ самоувѣренно сказалъ ему: „Я иду на Москву и въ одно или два сраженія все кончу... Императоръ Александръ будетъ на колѣняхъ просить мира!.."

Полный вѣры въ свой свѣтлый геній и свою непобѣдимость, гордый сознаніемъ своей силы, Императоръ Франціи въ ночь съ 11-го на 12-ое іюня, не сдѣлавъ оффиціальнаго объявленія войны, приказалъ начать переправу главной части своей арміи черезъ р. Нѣманъ у г. Ковно.

Въ отвѣтъ на извѣстіе о вступленіи непріятелей въ предѣлы Россіи, Государь, въ то время находившійся въ Вильнѣ, издалъ знаменательный приказъ по арміи, кончавшійся слѣдующими словами: „Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ объ ихъ долгѣ и храбрости! Воины! Вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На начинающаго Богъ!" Замѣчательны заключительныя слова приказа: Государь повторилъ то, что, сто лѣтъ тому назадъ отъ воспоминаемаго событія, сказалъ Петръ Великій передъ самымъ началомъ Полтавской битвы.

Но даже и теперь, когда война была уже неминуема, Императоръ Александръ остался вѣренъ своей миролюбивой политикѣ: покидая Вильну и отправляясь въ укрѣпленный Дрисскій лагерь, въ видѣ послѣдней попытки отклонить войну, онъ послалъ къ Наполеону генералъ-адъютанта Балашова съ письмомъ, въ которомъ сообщалъ, что онъ и теперь готовъ

начать мирные переговоры, если непріятельскія войска отступятъ за Нѣманъ и отойдутъ отъ русскихъ границъ. Но и эта послѣдняя попытка Императора Александра мирно разрѣшить обостренныя отношенія, попытка, въ успѣхъ которой, впрочемъ, мало вѣрилъ и самъ Государь, была безрезультатна и даже вызвала глумленіе Наполеона. „Неужели вы думаете“, насмѣшливо сказалъ Наполеонъ русскому послу, „что я привелъ столько войскъ лишь для того, чтобы посмотрѣть на Нѣманъ“...

Итакъ жребій былъ брошенъ и длинный свитокъ грозныхъ событій сталъ развертываться съ поразительной быстротой.

Общій ходъ событій отъ начала военныхъ дѣйствій и до занятія Смоленска непріятельскими войсками.

Уже въ мартѣ 1812 года русскія войска были сосредоточены на нашей западной границѣ и раздѣлены на три самостоятельныя арміи, растянутыя на огромномъ пространствѣ.

Первая армія, подъ начальствомъ военнаго министра кн. Барклая-де-Толли, численностью около 120,000 человѣкъ, была расположена въ Виленской губерніи, съ главной квартирой въ г. Вильнѣ, имѣя своимъ назначеніемъ защищать дорогу на Москву. Вторая армія, подъ командой кн. Багратіона, насчитывавшая въ своихъ рядахъ около 50,000 человѣкъ, была поставлена въ Гродненской губерніи, чтобы охранять дорогу на Кіевъ и не допустить непріятеля въ хлѣбородныя губерніи. Третья, такъ называемая, обсерваціонная армія, въ 40,000 человѣкъ, во главѣ съ гр. Тормасовымъ, была расположена въ Волынской губерніи и должна была наблюдать за Австріей.

Такимъ образомъ, къ началу военныхъ дѣйствій общая численность нашихъ войскъ немного превосходила 200,000 человѣкъ. Связи между отдѣльными арміями не было, и ближайшіе фланги ихъ отстояли одинъ отъ другого на разстояніи не менѣе 100 верстъ.

Но, если Наполеонъ, перейдя черезъ Нѣманъ, имѣлъ передъ собой войско не столь многочисленное, какъ его армія, зато тѣсно сплоченное въ одно цѣлое и однородное по своему составу, въ которомъ всѣ чины, отъ генарала до солдата, были глубоко проникнуты чувствомъ долга и беззавѣтной любви къ Государю и родинѣ и не знали середины между смертью и исполненіемъ своихъ обязанностей.

На военномъ совѣтѣ, въ присутствіи Государя, было рѣшено покинуть Дрисскій лагерь, который былъ признанъ непригоднымъ, чтобы оказать непріятелю серьезное сопротивленіе, и былъ выработанъ новый планъ войны, согласно которому предполагалось отступленіемъ русскихъ войскъ заманить непріятеля въ глубь Россіи, причиняя ему по пути въ отдѣльныхъ стычкахъ возможно болѣе вреда, и дать рѣшительное сраженіе не въ Западной Россіи, среди расположеннаго къ Наполеону и враждебно настроеннаго къ Россіи литовско-польскаго населенія, а въ центрѣ русскаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Багратіону было предписано употребить всѣ усилія для того, чтобы соединиться съ первой арміей и дѣйствовать далѣе сообща, подъ главнымъ руководствомъ Барклая-де-Толли.

Въ то же время Императоръ Александръ склонился на настойчивыя убѣжденія окружавшихъ и согласился оставить театръ военныхъ дѣйствій, справедливо полагая, что его пребываніе внутри Имперіи создастъ бодрящее настроеніе русскаго общества и вызоветъ общій подъемъ патріотическаго чувства.

Впрочемъ, Государь, оставивъ армію и переставъ непосредственно руководить ея дѣйствіями, продолжалъ вліять на ходъ дальнѣйшихъ событій. Барклай-де-Толли о всемъ долженъ былъ доводить до свѣдѣнія Императора Александра, получая отъ него подробныя инструкціи. Мало того, Государь переписывался съ нѣкоторыми изъ подчиненныхъ главнокомандующему генераловъ, проводя свои руководящіе взгляды.

Еще наканунѣ отъѣзда Государя, 6-го іюля, былъ изданъ Высочайшій манифестъ о всеобщемъ ополченіи, въ которомъ Императоръ Александръ, объявляя войну народной, призывалъ къ защитѣ отечества всѣ классы русскаго общества.

Не гадательные образы будущаго земного рая, созданные отвлеченнымъ умомъ кабинетныхъ мыслителей, вставали тогда передъ взорами Государя, но героическія фигуры великаго прошлаго Россіи: „Да встрѣтитъ врагъ, въ каждомъ дворянинѣ— Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина. Соединитесь всѣ съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, и никакія человѣческія силы васъ не одолѣютъ!“—такъ взывалъ Государь къ народу въ своемъ манифестѣ, и эти слова встрѣчали горячій откликъ въ сердцахъ его подданныхъ.

По пути въ Москву Государь остановился только на одинъ день въ Смоленскѣ, гдѣ населеніе восторженно встрѣтило его, выражая полную готовность самоотверженно защищать родину и выставить нѣсколько тысячъ ополченія. Какъ 200 лѣтъ тому назадъ, въ 1612 году, когда Русь, казалось, погибала отъ нашествія поляковъ и внутреннихъ смутъ, ратные люди—добровольцы изъ Смоленской губерніи первые пришли подъ знамена кн. Пожарскаго, такъ и теперь Смоленское дворянство первое вызвалось стать на защиту отчества.

Подъѣзжая къ Москвѣ, Императоръ хотѣлъ уклониться отъ торжественной встрѣчи, но толпы народа цѣлую ночь стояли по краямъ дороги, терпѣливо ожидая его проѣзда. Когда же, наконецъ, народъ, увидѣвъ Государя, въ восторженныхъ кликахъ излилъ полноту своихъ чувствъ, онъ ясно созналъ всю силу народной любви къ нему, какъ къ русскому Царю, понялъ степень величія и мощи народнаго духа и увидѣлъ, что весь великій русскій народъ торжественно, мужественно и спокойно обрекалъ себя на жертву за Царя и родину. „Все отдадимъ тебѣ! Всѣ умремъ или побѣдимъ!"—раздавались единодушные крики всюду, гдѣ ни показывался Государь. Это былъ день, когда передъ Государемъ раскрылось сердце народное. „Этого дня я никогда не забуду!"—обливаясь слезами, повторялъ онъ.

Послѣ радостныхъ привѣтствій народа и торжественныхъ обѣщаній Московскаго дворянства и купечества пожертвовать всѣмъ своимъ достояніемъ и даже жизнію для блага отечества, не оставалось болѣе сомнѣнія въ томъ, что Москва, а вслѣдъ за ней и вся Россія дадутъ неисчерпаемыя средства для упорной борьбы съ грознымъ врагомъ.

Дѣйствительно, высокій патріотическій подъемъ, впервые проявившійся въ Смоленскѣ и яркимъ пламенемъ вспыхнувшій въ Москвѣ, быстро охватилъ широкой волной всю необъятную Россію. Чутко отозвался русскій народъ на призывъ Державнаго вождя. „Встала Русь, какъ одинъ человѣкъ", горя пламенемъ мщенія врагу, покусившемуся на ея свободу.

Въ то время, какъ, охваченный глубокимъ энтузіазмомъ, русскій народъ готовилъ повсемѣстно запасы и выставлялъ въ ряды арміи все новыя и новыя силы, Наполеонъ, отдохнувъ въ Вильнѣ и оставивъ тамъ значительное число больныхъ и утомленныхъ походомъ солдатъ, началъ свое наступательное движеніе, согласно строго обдуманному плану. Онъ

имѣлъ въ виду не допустить соединенія армій Багратіона и Барклая-де-Толи и, слѣдуя своей испытанной тактикѣ, разбить ихъ порознь. Но, при выполненіи такого плана, Наполеонъ, несмотря на огромныя потери отсталыми, ранеными и убитыми, потерпѣлъ неудачу. Медленный и осторожный Барклай-де-Толли, храбрый и рѣшительный Багратіонъ, хоть и съ трудомъ, всетаки добились своего, т. е. соединенія армій. Правда, это соединеніе произошло не въ Витебскѣ, какъ предполагалось сначала, но только лишь подъ Смоленскомъ.

Равнымъ образомъ, Наполеонъ, хвастливо заявлявшій, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль возьметъ Петербургъ и увезетъ въ Парижъ въ качествѣ побѣдныхъ трофеевъ памятники Петра Великаго и Суворова, съ самаго начала долженъ былъ отказаться отъ мысли овладѣть нашей Сѣверной Столицей, послѣ того какъ армія маршала Удино въ сраженіи подъ Клястицами [1]), 18—19 іюля, была на голову разбита корпусомъ Витгенштейна.

Неоднократный бой за выйгрышъ во времени, чтобы дать возможность нашимъ арміямъ соединиться, отличался съ нашей стороны страшнымъ упорствомъ.

Во время боя подъ Островной [2]), 13—14 іюля, когда корпусъ гр. Остермана-Толстого въ продолженіи двухъ дней долженъ былъ удерживать натискъ цѣлой непріятельской арміи, „наши богатыри“, истекая кровью и изнемогая въ неравной борьбѣ, продолжали, тѣмъ не менѣе, сопротивляться до послѣдней крайности, пока первая армія не отошла отъ Витебска къ Смоленску, избѣжавъ необходимости вступить въ рискованное сраженіе съ главными силами Наполеона.

Изъ многочисленныхъ дѣлъ второй арміи, дѣйствія которой вообще полны самоотверженія и геройскихъ подвиговъ, особенное вниманіе обращаетъ бой при Салтановкѣ, [3]) 11-го іюля, гдѣ корпусъ генерала Раевскаго подвергся нападенію французскихъ войскъ, во много разъ превосходившихъ наши силы. Геройскій примѣръ командира, шедшаго впереди съ двумя своими несовершеннолѣтними сыновьями, одинъ изъ которыхъ несъ полковое знамя, до того воодушевилъ войска, что они, смутившись было передъ многочисленнымъ непріяте-

---

[1]) Деревня Витебской губерніи.
[2]) Мѣстечко Сѣнненскаго уѣзда Витебской губерніи.
[3]) Деревня Могилевской губерніи.

лемъ, смѣло рванулись впередъ и опрокинули врага, обезпечивъ второй арміи безпрепятственное отступленіе къ Смоленску.

Наши войска, отступая въ глубь страны по направленію къ Смоленску и не разъ имѣя блестящій успѣхъ въ отдѣльныхъ сраженіяхъ съ непріятельскими силами, несмотря на численный перевѣсъ послѣднихъ, возбуждали въ обществѣ надежду на то, что русское оружіе, до этой войны стяжавшее столько побѣдоносныхъ трофеевъ, въ концѣ концовъ одержитъ верхъ и надъ самимъ Наполеономъ.

Съ первыхъ же шаговъ Наполеонъ сталъ убѣждаться въ томъ, что онъ встрѣтилъ въ лицѣ русскихъ гораздо болѣе серьезнаго и опаснаго врага, нежели онъ ожидалъ. Въ первыхъ же бояхъ онъ увидѣлъ, что „русскіе дерутся, какъ львы", и, отступая, ни одной пяди земли не отдаютъ безъ боя, дорогою цѣной продавая каждый свой шагъ.

Еще сильнѣе убѣдился Наполеонъ въ ошибочности своихъ расчетовъ на слабость русскихъ войскъ, когда, направляясь къ Смоленску и думая зайти въ тылъ русской арміи и отрѣзать ее совершенно отъ Москвы и переправившись для этой цѣли быстрымъ и ловкимъ маневромъ черезъ Днѣпръ, онъ вдругъ наткнулся подъ г. Краснымъ[1]) на семитысячный русскій отрядъ генерала Невѣровскаго. Въ теченіе цѣлаго дня этотъ незначительный по своей численности отрядъ выдерживалъ нападеніе всей кавалеріи Мюрата и корпуса Нея, проявивъ безпримѣрное величіе духа и твердость древнихъ Спартанцевъ. Этотъ отчаянный и упорный бой подъ г. Краснымъ, вызвавшій необыкновенной храбростью и стойкостью русскихъ удивленіе самихъ французовъ и давшій возможность генералу Раевскому своевременно достигнуть Смоленска и укрѣпиться тамъ, въ виду приближенія грозныхъ полчищъ непріятеля,— еще болѣе раздулъ въ душѣ Наполеона загоравшуюся искру сомнѣнія въ успѣшности начатаго имъ предпріятія.

Вслѣдъ затѣмъ Смоленскъ, одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, не разъ видѣвшій подъ своими стѣнами непріятельскіе полки, не разъ служившій крѣпкимъ оплотомъ въ борьбѣ съ врагами, подвергся осадѣ почти всей Наполеоновской арміи. Гарнизонъ Смоленска состоялъ всего изъ двухъ корпусовъ русскихъ войскъ, бывшихъ подъ командою сначала генерала Раевскаго, затѣмъ смѣнившаго его генерала

[1]) Уѣздный городъ Смоленской губерніи.

Дохтурова. Никакія усилія непріятельскихъ войскъ не могли взять приступомъ городъ, защищаемый небольшимъ числомъ русскихъ храбрецовъ, которые, будучи вдохновляемы героями—вождями, казалось, презирали смерть и поражали совершенно исключительной неустрашимостью. Геройская защита древней русской твердыни продолжалась до тѣхъ поръ, пока наши главныя силы не вышли на Московскую дорогу. Только съ наступленіемъ ночи 5-го августа, послѣ двухдневнаго кровопролитнаго и упорнаго сраженія, генералъ Дохтуровъ, согласно приказанію Барклая-де-Толли, вывелъ русскія войска изъ города, „который въ чудную августовскую ночь представлялъ зрѣлище, напоминавшее картину изверженія Везувія“.

Терзаемый зловѣщими думами, вступилъ Наполеонъ въ обгорѣлыя стѣны древняго русскаго города, внутренній видъ котораго представлялъ почти однѣ дымившіяся, покрытыя множествомъ труповъ, развалины.

Обстоятельства занятія Смоленска окончательно поколебали надежду Наполеона на благопріятный исходъ войны. Надменный завоеватель понялъ, что не Россія, а онъ самъ увлекается рокомъ. Его горделивые порывы и грозныя филиппики противъ Россіи смѣнились непритворнымъ желаніемъ прекратить военныя дѣйствія и заключить миръ. Въ этомъ смыслѣ Наполеонъ, при посредствѣ русскаго плѣннаго генерала Тучкова III-го, старался воздѣйствовать и на своего бывшаго друга—Императора Александра. Но нашъ Государь, проникая въ тайныя мысли французскаго Императора, теперь и слышать не хотѣлъ о мирѣ.

Сознавая свое затруднительное положеніе, особенно въ виду открывшейся народной войны, Наполеонъ, послѣ четырехдневнаго отдыха въ Смоленскѣ, отдалъ приказъ о дальнѣйшемъ наступленіи по направленію къ Москвѣ, которая рисовалась воображенію французовъ какимъ-то обѣтованнымъ раемъ, гдѣ должны будутъ окончиться всѣ неимовѣрныя трудности похода.

Начало народной войны.

Едва вражья сила вторглась въ предѣлы Смоленской губерніи и внесла въ исконы русскую землю разореніе и всѣ ужасы непріятельскаго нашествія, война приняла народный характеръ.

Въ своемъ рескриптѣ Смоленскому епископу Государь вмѣнялъ въ долгъ архипастырю внушить крестьянамъ, чтобы „они, совокупясь вмѣстѣ, старались вооружиться, чѣмъ только могутъ, дабы, не давая никакого пристанища врагамъ, вездѣ и всюду истребляли ихъ и вмѣсто робости наносили имъ самимъ великій вредъ и ужасъ". Народъ внялъ слову Царя, который устами духовныхъ пастырей призывалъ всѣхъ къ повсемѣстному возстанію и истребленію враговъ.

Повсюду, гдѣ только ни появлялись непріятели, они находили въ каждомъ крестьянинѣ безпощаднаго мстителя за честь поруганной родины. Крестьяне вооружались, чѣмъ могли,— топорами, вилами, кольями,—ловили и схватывали отставшихъ непріятельскихъ солдатъ, подстерегали небольшіе отряды враговъ и отчасти собственными силами, отчасти же съ помощью казаковъ совершали внезапныя нападенія, производя безпорядокъ и панику среди французскихъ войскъ и причиняя имъ значительный уронъ. На всемъ пространствѣ слѣдованія Наполеоновской арміи селенія и даже поля сжигались самими хозяевами, уходившими вслѣдъ за русскими войсками или скрывавшимися въ лѣсахъ, чтобы оттуда производить истребленіе мелкихъ отрядовъ французскихъ войскъ и забирать въ плѣнъ непріятельскихъ фуражировъ и мародеровъ.

Въ этой народной войнѣ принимали участіе даже женщины: „Старостиха Василиса", пишетъ историкъ Отечественной войны Богдановичъ, „живетъ въ народныхъ преданіяхъ взятіемъ въ плѣнъ и доставкой въ Сычевки[1]) цѣлой непріятельской партіи". Наполеону, часто сравнивавшему себя съ Александромъ Великимъ, на самомъ дѣлѣ могло показаться, что онъ зашелъ въ баснословное царство Амазонокъ.

Въ то же время на средства дворянства и купечества были образованы цѣлые полки ополченія, которые должны были служить для пополненія убыли въ рядахъ регулярныхъ войскъ и подкрѣпленія ихъ.

Напрасно Наполеонъ дѣлалъ попытку явиться вторымъ Пугачевымъ и привлечь на свою сторону русское крѣпостное крестьянство обѣщаніемъ имъ различныхъ льготъ и свободы.

Воевать съ цѣлымъ народомъ было не подъ силу и геніальному полководцу: народъ не побѣдимъ, если каждый человѣкъ почувствуетъ себя сыномъ своей родины и грудью станетъ на ея защиту.

---

[1]) Уѣздный городъ Смоленской губерніи.

Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ и Бородинскій бой.

Потеря Смоленска произвела на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Русское общество, взволнованное этимъ грустнымъ событіемъ и не желавшее считаться съ необходимостью, было далеко отъ безпристрастной оцѣнки обстоятельствъ. Общее негодованіе всей тяжестью своей несправедливо обрушилось на главнокомандующаго, кн. Барклая-де-Толли.

Осторожному и мудрому въ своей осмотрительности великому полководцу ставили въ вину также и постоянное отступленіе русскихъ войскъ. Прекрасный и единственно пріемлемый, при незначительности военныхъ силъ, планъ войны, согласно которому предполагалось завлечь непріятеля въ глубь страны и удалить его отъ западной границы, чрезъ которую онъ получалъ подкрѣпленія и припасы, казался возмущенному русскому обществу актомъ государственной измѣны. Иностранное происхожденіе Барклая-де-Толли послужило лишнимъ поводомъ набросить тѣнь на этого честнаго и искрено преданнаго интересамъ Россіи человѣка.

Конечно, всѣ эти обвиненія не имѣли никакого основанія. Но Государь, принимая во вниманіе значеніе общественнаго мнѣнія въ столь серьезную минуту, внялъ общему желанію и назначилъ главнокомандующимъ соединенныхъ армій истаго русскаго человѣка—кн. М. И. Голенищева-Кутузова. Это былъ уже маститый старецъ, сподвижникъ Румянцева и Суворова, прошедшій строгую школу послѣдняго. израненный въ битвахъ и закаленный долгимъ боевымъ опытомъ воинъ, который едва только окончилъ съ честью для Россіи войну съ Турціей.

Новый главнокомандующій, радостно встрѣченный русскими войсками, умѣлъ поднять упавшій духъ солдатъ, истомленныхъ долгимъ отступленіемъ, и влить въ нихъ новую волну жизнерадостности и бодрости.

У села Бородина, въ достопамятный день 26-го августа, Кутузовъ рѣшилъ, наконецъ, дать удовлетвореніе общественному мнѣнію, громко себя заявлявшему и требовавшему рѣшительнаго боя прежде, чѣмъ непріятель подойдетъ къ стѣнамъ первопрестольной Столицы Россіи.

Безвѣстное доселѣ селеніе, отстоящее въ 9 верстахъ отъ г. Можайска[1]) и въ 108 отъ г. Москвы, стало историческимъ.

[1]) Уѣздный городъ Московской губерніи.

Множество разъ на всѣхъ языкахъ повторено это названіе русской деревни, около которой произошла битва двадцати народовъ Европы противъ одного народа русскаго.

Описать подробно Бородинское сраженіе—это значитъ написать цѣлую книгу. Истинную картину великой борьбы народовъ до сихъ поръ еще вполнѣ не выяснили историки—ни русскіе, ни иностранные. Можно смѣло сказать, что въ теченіе дня 26-го августа произошло не одно, а множество сраженій, изъ которыхъ каждое полно чудесъ храбрости съ обѣихъ сторонъ.

Отчаянно, съ беззавѣтной храбростью защищали русскія войска свои позиціи; упорно и настойчиво нападали фтанцузы, и послѣ каждой отбитой атаки съ обѣихъ сторонъ вводились въ бой все новыя и новыя силы; утомленные и разстроенные ряды войскъ смѣнялись ежечасно свѣжими полками и ожесточенный бой кипѣлъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Всякая неудачная атака, отбитая нами, вызывала удвоенную энергію французовъ. Геройская отвага непріятелей, устремлявшихся впередъ, несмотря на смертоносный дождь русскихъ снарядовъ, невольно вызывала не разъ одобрительное восклицаніе у самого Кутузова, все время съ возвышеннаго мѣста наблюдавшаго за ходомъ боя. Нѣсколько разъ войска бросались въ рукопашную схватку и дрались съ ожесточеніемъ, превосходившимъ всякое вѣроятіе: въ какомъ-то невооброзимомъ хаосѣ свои смѣшивались съ чужими и перепутывались всѣ роды оружія.

Въ одной изъ такихъ схватокъ доблестный защитникъ нашего лѣваго крыла—князь Багратіонъ палъ, тяжело раненный осколкомъ ядра. Въ лицѣ выбывшаго изъ строя Багратіона армія понесла непоправимую потѐрю, лишившись своего главнаго вдохновителя, такъ какъ его исключительная храбрость, желѣзное спокойствіе, быстрота сообразительности, закаленность въ битвахъ, которыя были его настоящей стихіей въ теченіе всей жизни, дѣйствовали неотразимо на окружавшихъ, внѣдряя въ ихъ души такое же геройство.

Когда всѣ наши войска уже были введены въ дѣло и понесли громадныя потери, Кутузовъ, наконецъ, отдалъ приказъ отступить на вторую линію укрѣпленій. Бой понемногу сталъ затихать и съ наступленіемъ вечера прекратился совершенно.

Потери Наполеона были не менѣе значительны, чѣмъ наши; но у него оставалось въ резервѣ двадцать тысячъ человѣкъ еще не вступавшей въ дѣло, старой, испытанной въ бояхъ гвардіи. Нѣсколько разъ въ теченіе дня маршалы просили Императора двинуть въ дѣло и гвардію, чтобы довершить ударъ и выиграть побѣду; но Наполеонъ рѣшительно отказывалъ, заявляя, что, находясь на разстояніи трехъ тысячъ верстъ отъ Франціи, онъ не можетъ рисковать своимъ послѣднимъ резервомъ.

Французская армія, покинувъ занятыя было ею укрѣпленія нашей позиціи, расположилась лагеремъ на тѣхъ же мѣстахъ, которыя занимала утромъ.

Такимъ образомъ, за цѣлый день упорнаго и ожесточеннаго боя, французы, несмотря на численный перевѣсъ бывшихъ въ бою съ ихъ стороны войскъ, не выиграли ни пяди земли, какъ о томъ доносилъ Государю Кутузовъ. Наполеонъ увидѣлъ, что это почти пятнадцатичасовое сраженіе не дало ему желанныхъ результатовъ. Мало того, онъ почувствовалъ смущеніе передъ врагомъ, который, потерявъ въ бою половину войска, стоялъ столь же грозный, отважный и готовый къ новымъ схваткамъ въ концѣ битвы, какъ и въ началѣ ея.

Впослѣдствіи, находясь въ заточеніи на о. Св. Елены, Наполеонъ высказалъ, что „изъ всѣхъ данныхъ имъ сраженій—Бородинское было самое грозное; при чемъ французы показали себя достойными побѣды, а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми“. Этими словами самъ Наполеонъ призналъ, что сраженіе у с. Бородина не имѣло рѣшительнаго характера и окончилось „въ ничью“.

Безсмертная слава нашимъ героямъ—воинамъ, во всемъ величіи показавшимъ въ ужасномъ Бородинскомъ бою—этой кровопролитной „битвѣ гигантовъ“, на что способенъ русскій народъ, защищая свою родину! Ни боевая опытность непріятельскихъ вождей, ни закаленность въ трудахъ и лишеніяхъ французскихъ войскъ, ни тяжкія потери, — ничто не могло сломить безпримѣрной храбрости русскаго солдата, его безграничной самоотверженности, ничто не могло поколебать спокойнаго мужества религіознаго и глубоко преданнаго своему Державному вождю русскаго народа, который все принесъ въ жертву для славы и спасенія отечества—родные очаги, иму-

щество и самую жизнь. Какъ волны морскія, въ своемъ неудержимомъ бѣгѣ, разбиваются о прибрежныя скалы, такъ непобѣдимыя дотолѣ войска Наполеона разбивались о мощныя русскія груди.

Всѣ историки согласны въ томъ, что въ Бородинскую битву Наполеонъ не выказалъ генія полководца и ничего не прибавилъ къ заслуженной имъ раньше военной славѣ. Оставаясь все время на одномъ мѣстѣ, внѣ сферы дѣйствія непріятельскаго огня, онъ какъ бы колебался въ своихъ распоряженіяхъ и проявлялъ несвойственную ему нерѣшительность. Прошло уже два мѣсяца, какъ онъ вступилъ въ предѣлы земли русской. Все время стремился онъ къ рѣшительному сраженію съ русскими, но, когда, наконецъ, наступилъ желанный день, герой стольких побѣдоносныхъ битвъ проявилъ, если неслабость, то непонятное равнодушіе. Наполеонъ былъ погруженъ въ апатію въ такое время, когда всѣ его умственныя силы должны были быть напряжены до послѣдней степени. Приближенные, видѣвшіе Наполеона совершенно другимъ въ дни его предыдущихъ сраженій, недоумѣвали и почти съ тоской взирали на своего Императора въ тѣ тревожныя минуты, когда курьеры приносили донесенія съ поля битвы. Они тщетно ожидали отъ Наполеона тѣхъ мгновенныхъ вспышекъ вдохновенія, которыя сдѣлали его великимъ полководцемъ, геніемъ войны, такъ какъ ихъ конечнымъ результатомъ всегда являлась побѣда. Это вдохновеніе своеобразнаго творчества ни разу не посѣтило Наполеона въ день Бородинскаго сраженія. Какой контрастъ со всѣмъ, что было раньше, когда Наполеонъ не покидалъ сѣдла, ежеминутно готовясь летѣть туда, гдѣ могло быть нужно его личное присутствіе!

Можетъ быть, причиной тому была болѣзнь, которая и помѣшала ему явиться въ томъ ореолѣ полководца, въ какомъ его привыкли видѣть?! Или онъ почувствовалъ, что счастье, постоянно ему сопутствовавшее въ его прежнихъ походахъ, здѣсь, на необозримыхъ поляхъ Россіи, среди народа, поднявшагося, какъ одинъ человѣкъ, въ единую грудь сплотившагося на защиту отечества, должно скоро измѣнить ему, и грозная судьба уже наложила на него свою тяжелую руку?! Побѣдоносному орлу Франціи точно подрѣзали крылья, и въ дальнѣйшемъ никто не увидитъ больше его горделиво парящаго полета въ выси!...

Вождь русскихъ—Кутузовъ былъ, напротивъ, спокоенъ и сохранялъ изумительное хладнокровіе. Онъ слѣдилъ за каждымъ моментомъ сраженія и отдавалъ во-время распоряженія о посылкѣ войскъ въ наиболѣе угрожаемыя мѣста, такъ что французамъ не удавалась ни одна неожиданная атака: всюду она встрѣчала русскихъ, уже готовыхъ къ отраженію непріятеля.

Отступленіе русскихъ войскъ за Можайскъ и оставленіе Москвы.

Въ виду значительныхъ потерь, Кутузовъ, несмотря на благопріятный исходъ боя, отказался отъ первоначально высказаннаго имъ намѣренія „погнать завтра врага изъ священной земли русской“ и въ полночь отдалъ приказаніе отступать за Можайскъ.

Какъ ни горько было такое рѣшеніе главнокомандующаго для русскаго сердца, однако справедливость требуетъ замѣтить, что оно было вполнѣ правильно, ибо крайнее разстройство арміи, въ виду огромныхъ потерь, не давало надежды на новый успѣхъ безъ солидной поддержки со стороны; а свѣжихъ силъ намъ неоткуда было ожидать, между тѣмъ какъ у Наполеона была на лицо не участвовавшая въ бою гвардія.

Несмотря на это новое отступленіе, въ войскахъ царило бодрое настроеніе и ясно выражалось сознаніе, что только что выдержанный грозный бой долженъ разрушить горделивую мечту Наполеона счастливо и быстро окончить войну съ Россіей. Съ нетерпѣніемъ ожидали наши войска новаго боя, чтобы заставить врага испить горькую чашу до дна.

Первоначальное предположеніе принять новое сраженіе подъ Москвой, на выбранной было позиціи у Воробьевыхъ горъ, на военномъ совѣтѣ въ д. Филяхъ, послѣ тщательнаго обсужденія обстоятельствъ дѣла, было категорически отвергнуто главнокомандующимъ, который, подъ своей личной отвѣтственностью, рѣшилъ сдать Москву безъ боя и продолжать отступленіе.

При этомъ Кутузовъ, опровергая мнѣніе противниковъ, сказалъ пророческія слова: „Вы боитесь отступленія черезъ Москву, а я смотрю на это, какъ на Провидѣніе, ибо оно спасетъ армію. Наполеонъ подобенъ быстрому потоку, который мы

сейчасъ не можемъ остановить. Москва—это губка, которая всосетъ его въ себя". „Съ потерею Москвы", заключилъ онъ свою рѣчь, „не потеряна еще Россія. Первою обязанностью считаю сохранить армію и соединить ее съ идущими къ ней подкрѣпленіями. Знаю, какая отвѣтственность обрушивается на меня, но жертвую собой для блага отечества. Властью, данной мнѣ Государемъ, приказываю отступать".

Тяжело было главнокомандующему отдавать такое приказаніе. Когда онъ произносилъ эти слова, на глазахъ его блестѣли слезы, и долго не могъ онъ побѣдить овладѣвшей имъ скорби. Дѣйствительно, жертва была велика, но она являлась необходимой для спасенія отечества. Послѣдовавшія событія доказали правоту страшнаго рѣшенія Кутузова.

2-го сентября Москва, оставленная почти всѣми жителями, опустѣла. Имущество, большей частью, было увезено или уничтожено. Въ тотъ же день древняя Столица Россіи очутилась во власти непріятелей.

Въѣздъ Наполеона въ Москву не походилъ на занятіе имъ другихъ европейскихъ столицъ, во время его прежнихъ побѣдоносныхъ войнъ. Первый разъ въ жизни повелитель Западной Европы занималъ главный городъ завоеванной страны, который ему никто не сдавалъ, городъ безъ людей.

Едва врагъ вступилъ въ Москву, въ ней начались страшные пожары, которые скоро охватили огненнымъ кольцомъ городъ со всѣхъ сторонъ. Самъ Императоръ едва не погибъ въ разлившемся вокругъ огненномъ морѣ. Страшная рѣшимость русскихъ, сжигавшихъ свою, покинутую населеніемъ, великолѣпную Столицу, снова пробудила въ Наполеонѣ умолкувшее на время сомнѣніе: ясно стало ему при этомъ яркомъ заревѣ Московскаго пожара, что русскій народъ не убоится никакихъ жертвъ, чтобы отметить врагу за поруганную честь своей родины.

Пораженный ужаснымъ кошмарнымъ зрѣлищемъ, побѣдитель Европы вдругъ призналъ себя побѣжденнымъ могучимъ духомъ русскаго народа и, не дождавшись мирныхъ предложеній со стороны русскаго Государя, самъ первый снова поднялъ вопросъ о мирѣ. Когда посланный имъ къ Кутузову съ этою цѣлію генералъ Лористонъ вернулся, не успѣвъ исполнить возложенное на него порученіе, Наполеонъ съ плѣннымъ дворяниномъ Яковлевымъ послалъ вторично письмо Императору

Александру, выражая ему свои дружескія чувства и предлагая миръ.

Но Государь остался непоколебимо вѣренъ своимъ высокознаменательнымъ словамъ, сказаннымъ имъ въ отвѣтъ на извѣстіе о горестномъ событіи—занятіи Москвы непріятелемъ: „Если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду самъ предводительствовать ими и подвигну всѣ средства моей Имперіи. Россія представляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ полагаетъ непріятель. Но, если судьбою и Промысломъ Божіимъ предназначено роду моему не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то истощивъ усилія, я отращу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться однимъ картофелемъ съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подпишу позоръ моего отечества и дорогихъ моихъ подданныхъ, жертвы коихъ умѣю цѣнить“... Послѣ такого торжественнаго заявленія презрительное молчаніе только и могло быть отвѣтомъ на мирныя предложенія французскаго Императора.

Испытаніе, ниспосланное Россіи, было безпримѣрное. Полусгорѣвшая и полуразоренная Москва была во власти враговъ и въ ней царилъ ужасъ. Оставшіеся жители, не исключая женщинъ и дѣтей, подвергались неслыханнымъ насиліямъ, отъ которыхъ не было никакого спасенія. Солдаты, даже сами офицеры и генералы предавались грабежу оставленнаго имущества, не зная предѣловъ своей алчности и наглости. Не были пощажены даже церкви, изъ которыхъ безцеремонно похищалось все, что только имѣло цѣнность. Кощунственно оскверняя святыни, врагъ самыя церкви и соборы превращалъ въ полковыя конюшни.

Подъ впечатлѣніемъ разрушенія Москвы и поруганія ея святынь, сердце русскаго народа облилось кровью, и не осталось ни одного человѣка, который не пылалъ бы местью противъ непрошенныхъ пришельцевъ, не желалъ бы полнаго и безпощаднаго ихъ истребленія и не рвался бы въ бой противъ нихъ. Геніальный полководецъ не разсчиталъ, во что обойдется ему воодушевленіе русскаго народа, когда онъ пойдетъ грудью отстаивать свою родину. Онъ также не могъ предвидѣть, что это воодушевленіе, охватившее весь народъ отъ Царя до послѣдняго хлѣбопашца, убьетъ самую надежду на миръ, сдѣлаетъ наивной всякую просьбу о мирѣ. Выражая неудовольствіе Ку-

тузову за одно только допущеніе переговоровъ о мирѣ, Императоръ Александръ, наоборотъ, требовалъ отъ главнокомандующаго открытія самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ непріятеля и заявлялъ о своей твердой рѣшимости не прекращать войны, пока дерзкій врагъ „не будетъ отмщенъ за оскорбленное отечество“.

Отступленіе „великой арміи“ и полное торжество Россіи.

Положеніе Наполеона въ Москвѣ съ каждымъ днемъ становилось все хуже и невозможнѣе. Французская армія, отрѣзанная казацкими и партизанскими отрядами и разгорѣвшейся народной войной отъ свободнаго сообщенія съ не разоренными еще окрестностями Москвы, стала страдать отъ недостатка въ провіантѣ и фуражѣ. Дѣло дошло до того, что люди принуждены были питаться всякой падалью. Вслѣдствіе голода въ войскахъ начали свирѣпствовать эпидемическія болѣзни. Все сильнѣе развивавшіяся среди „великой арміи“ мародерство и дезертирство еще болѣе сокращали ея ряды, страшно деморализуя войска. Падежъ лошадей по причинѣ недостатка корма принималъ угрожающіе для кавалеріи размѣры.

Бездѣйствіе „великой арміи“ и продолжительное пребываніе ея въ Москвѣ, гибельно отозвавшись на состояніи французскихъ войскъ, напротивъ, было весьма выгодно для русскихъ. Расположившись лагеремъ у с. Тарутина [1], въ 60 верстахъ къ югу отъ Москвы, русская армія, отдохнувъ и усилившись вновь прибывшими ополченіями, готова была къ новымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, не сомнѣваясь уже болѣе въ успѣхѣ. Но Кутузовъ не торопился открывать военныхъ дѣйствій, справедливо полагая, что „чѣмъ далѣе останется въ Москвѣ Наполеонъ, тѣмъ вѣрнѣе наша побѣда“.

Наконецъ, 6-го октября, русскія войска перешли сами въ наступленіе и одержали побѣду надъ авангардомъ французскихъ войскъ, получивъ богатую добычу и едва не захвативъ въ плѣнъ самого Мюрата.

Тарутинское сраженіе знаменуетъ начало новаго періода войны, который прибавилъ новые лавры къ побѣдной славѣ русскихъ и, наоборотъ, покрылъ позоромъ прежнюю боевую славу французовъ.

---

[1]) Село Боровскаго уѣзда, Калужской губерніи.

Эта побѣда вызвала шумную радость въ рядахъ русскихъ войскъ и была залогомъ нашего дальнѣйшаго успѣха. Она подняла духъ русскаго воинства, влила въ него новыя силы для борьбы и возбудила желаніе вновь сразиться съ врагомъ, чтобы сокрушить окончательно его гордость и славу непобѣдимости.

Удручающее, тяжелое впечатлѣніе произвело сраженіе при с. Тарутинѣ на Наполеона и его разстроенную и обезсиленную армію. Не увѣренный болѣе въ возможности благопріятнаго исхода войны и угнетаемый мрачными мыслями, великій завоеватель теперь думалъ только о томъ, чтобы благополучно вывести изъ этой негостепріимной страны жалкіе остатки своего утомленнаго и голоднаго войска.

Поспѣшно покинувъ Москву, Наполеонъ въ безсильной злобѣ отдалъ приказъ маршалу Мортье взорвать Кремль со всѣми соборами и дворцами. Взрывъ не удался, но, сдѣлавшись извѣстнымъ, вызвалъ страшное озлобленіе русскаго народа противъ непріятелей.

Вѣсть о томъ, что французы вышли изъ Москвы, пронеслась по Россіи, какъ радостная вѣсть о спасеніи родины. Кутузовъ, узнавши объ этомъ, со слезами радости на глазахъ воскликнулъ: „Господи, Создатель Мой, внялъ Ты молитвѣ нашей! Теперь спасена Россія!". Никто уже не сомнѣвался, что гроза миновала, что отечество внѣ опасности. Русскій народъ побѣдилъ грознаго врага своей стойкостью, упорствомъ, твердой рѣшимостью ни за что не подчиниться чужой власти.

Наполеонъ уходилъ, какъ хищный звѣрь, преслѣдуемый опытнымъ охотникомъ. Онъ ослабѣлъ, но еще остры были его когти, и Кутузовъ понималъ, что еще предстоитъ цѣлый рядъ кровопролитныхъ сраженій.

Малоярославецъ, небольшой уѣздный городъ Калужской губерніи, скоро сдѣлался мѣстомъ знаменитаго сраженія. Битва при этомъ городѣ имѣла роковое значеніе для нашихъ враговъ. Удержавъ за собой Малоярославецъ и нанеся врагамъ огромныя потери упорнымъ боемъ, Кутузовъ принудилъ Наполеона передвинуть войска къ Можайску. Калужская дорога осталась въ нашихъ рукахъ, между тѣмъ какъ непріятелю приходилось отступать по разоренной Смоленской дорогѣ.

Жестокая битва, происшедшая вслѣдъ затѣмъ при г. Вязьмѣ[1], была настоящимъ разгромомъ арьергарда французскихъ войскъ.

---

[1]) Уѣздный городъ Смоленской губерніи.

Кутузова упрекали за то, что онъ не воспользовался тогда благопріятными обстоятельствами и не далъ французамъ генеральнаго сраженія. Но мы можемъ теперь, спустя сто лѣтъ, вполнѣ безпристрастно взирая на всѣ эти потрясающія событія, лишь восхвалить образъ дѣйствій состарѣвшагося въ безчисленныхъ бояхъ вождя, который, прозорливымъ окомъ предвидя, что „великая армія развалится и безъ него“, не находилъ необходимымъ проливать драгоцѣнную русскую кровь.

Сплошнымъ кошмарнымъ сномъ было дальнѣйшее отступленіе „великой арміи“, представляя рядъ ужасовъ, какіе едва ли испытывала какая-либо армія въ мірѣ. Изнемогая отъ голода и усталости, страдая отъ наступившихъ холодовъ, точно вихремъ гонимыя тучи, бѣжали французы вонъ изъ негостепріимной страны. Снимаясь съ приваловъ, непріятельская армія устилала снѣжныя равнины Россіи цѣлыми сотнями труповъ. Многіе отъ голода и холода обращались въ идіотовъ, жарили и пожирали трупы своихъ товарищей. Покидая ряды, солдаты и офицеры добровольно сдавались русскимъ войскамъ, моля о кускѣ хлѣба и одеждѣ.

Надежды Наполеона—найти въ Смоленскѣ богатые магазины съ съѣстными припасами и дать отдыхъ войскамъ не оправдались. Оглушительные взрывы минъ, заложенныхъ въ разныхъ частяхъ города, и зарево пожара сопровождали поспѣшное выступленіе непріятеля изъ многострадальнаго Смоленска.

У г. Краснаго Наполеонъ, несмотря на крайнее разстройство французской арміи, снова захотѣлъ попытать счастья, которое такъ ужасно измѣнило ему съ самаго начала отступленія изъ Москвы, и, собравши послѣднія силы, сдѣлалъ нападеніе на шедшаго наперерѣзъ дороги Кутузова. Но не было уже больше подъема мужества въ рядахъ французскихъ войскъ и при первомъ же отпорѣ они обратились въ безпорядочное бѣгство; при этомъ особенно пострадалъ бывшій въ арьергардѣ корпусъ Нея, который почти поголовно былъ уничтоженъ русскими войсками.

Переправа черезъ Березину довершила окончательное разстройство „великой арміи“.

Казалось, что Наполеонъ, окруженный желѣзнымъ кольцомъ русскихъ войскъ, не имѣлъ выхода изъ своего критическаго положенія и долженъ былъ либо сдаться въ плѣнъ, либо погибнуть въ неравной борьбѣ со всей своей арміей. „Какъ

волкъ, загнанный гончими, ожидая ежеминутно мертвой хватки борзыхъ, онъ озирался кругомъ, ища лазейки". Но счастье подарило прощальной улыбкой своего бывшаго любимца. Наполеону удалось ложнымъ движеніемъ по направленію къ Минску ввести въ обманъ неопытнаго въ военно-сухопутномъ дѣлѣ адмирала Чигачова и по наведеннымъ у д. Студянки, къ сѣверу отъ г. Борисова [1]), мостамъ съ частію войскъ переправиться на правую сторону р. Березины.

Тѣмъ не менѣе эта переправа слишкомъ дорого обошлась нашимъ врагамъ. На мѣстѣ переправы образовался цѣлый островъ изъ человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ, какъ ужасный, леденящій кровь монументъ разыгравшейся на Березинѣ мрачной трагедіи.

Вырвавшись изъ тисковъ и направивъ жалкіе остатки своихъ войскъ въ Вильну, Наполеонъ тайкомъ отъ вѣрной и преданной арміи уѣхалъ въ Парижъ, передавъ командованіе Мюрату. 26-го ноября, въ день праздника въ честь Св. Георгія Побѣдоносца, гордый завоеватель жалкимъ бѣглецомъ и трусомъ переступилъ вновь черезъ границу Россіи, унося въ сердцѣ своемъ крушеніе всѣхъ своихъ замысловъ, которые были такъ величественны.

Тяжелымъ ударомъ было для французской арміи позорное бѣгство Императора. Преслѣдуемые русскими войсками, съ чувствомъ безнадежнаго отчаянія бѣжали измученные и утомленные остатки „великой арміи" къ берегамъ р. Нѣмана, бросивъ въ Вильнѣ послѣднія, еще остававшіяся у нихъ, орудія и все награбленное въ Москвѣ добро.

1-го декабря, подъ похоронные набаты русскаго оружія, перешелъ Мюратъ черезъ р. Нѣманъ у г. Ковно, насчитывая въ рядахъ своихъ войскъ не болѣе 1000 человѣкъ, сохранившихъ оружіе, и около 20,000 безоружныхъ.

Какой разительный, небывалый въ исторіи контрастъ! 11-го іюня черезъ этотъ самый Нѣманъ переправилась полумилліонная, могущественная армія, сіявшая красотой разнообразнѣйшихъ формъ, скованная желѣзной дисциплиной. А спустя шесть мѣсяцевъ перешли обратно одни жалкіе остатки; для большинства остальныхъ Россія сдѣлалась могилой.

Такъ кончилась грандіозная эпопея нашествія на Россію Наполеона, который, въ ослѣпленіи своимъ безграничнымъ честолюбіемъ, задумалъ покорить и наше отечество.

---

[1]) Уѣздный городъ Минской губерніи.

Но пробудился отъ сна могучій богатырь—русскій народъ, надѣлъ свои бранные доспѣхи и съ мечемъ въ рукахъ и съ крестомъ въ груди сталъ крѣпкой нерушимой стѣной на защиту очечества. Съ неслыханнымъ самопожертвованіемъ и изумительной стойкостью встрѣтилъ онъ дерзкаго врага и далъ ему отпоръ, показавъ, что не можетъ быть на землѣ военнаго генія, способнаго сокрушить цѣлую націю, если въ сердцѣ у нея живетъ горячее чувство любви къ родинѣ, равняющее всѣхъ безъ различія званій и состояній.

Прошло уже сто лѣтъ со времени Отечественной войны. Возстала въ лучшей красѣ, возобновленная послѣ пожара и разоренія, Москва, нѣтъ и слѣдовъ, развѣ въ музеяхъ, французскаго нашествія, но попрежнему живъ, бодръ и могучъ духъ русскаго народа, и горе тому новому Наполеону, который осмѣлился бы посягнуть на свободу Россіи. Народъ русскій смететъ его, какъ сто лѣтъ тому назадъ онъ смелъ злого пахвальщика, казавшагося для его современниковъ полубогомъ, титаномъ.

Роль Россіи въ дѣлѣ освобожденія Европы отъ ига Наполеона.

Когда „ни одного непріятельскаго воина не осталось уже болѣе въ Россіи“, кромѣ плѣнныхъ, больныхъ и раненныхъ, казалось, настало время и отдохнуть отъ тяжелыхъ военныхъ тревогъ. Но не такъ думалъ нашъ Государь. Онъ говорилъ: „Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ царствовать мы не можемъ“... Эти слова не были пустой фразой, скоро они облеклись въ роковую и безвозвратную для Наполеона дѣйствительность. Государь полагалъ, что Наполеонъ, оправившись, собравшись съ силами, опять задумаетъ покорять миръ, снова зальетъ Европу кровью. Изгнавъ непріятелей изъ русской земли, Императоръ Александръ не хотѣлъ еще вложить меча въ ножны и, считая, что только полное ниспроверженіе Наполеона можетъ дать прочный миръ Европѣ, рѣшилъ избавить её отъ ига гордаго Корсиканца.

1-го января 1813 года русскія войска, подъ главнымъ предводительствомъ самого Государя, перешли границу Пруссіи. Но въ своемъ рѣшеніи Императоръ Александръ сначала былъ одинокъ среди окружавшихъ его. Лишь съ величай-

шимъ трудомъ удалось ему склонить къ союзу съ Россіей противъ Наполеона и другія Европейскія державы, все еще чувствовавшія какой-то суевѣрный страхъ передъ именемъ великаго завоевателя.

Заграничная война 1813—1814 г. г., въ которой Россіи принадлежало главное и руководящее значеніе, была почти однимъ торжественнымъ и побѣдоноснымъ шествіемъ по Европѣ соединенныхъ войскъ союзниковъ.

Послѣ цѣлаго ряда упорныхъ и ожесточенныхъ битвъ, не имѣвшихъ рѣшительнаго характера, произошло трехдневное генеральное сраженіе при г. Лейпцигѣ, [1]) извѣстное въ исторіи подъ именемъ „битвы народовъ", такъ какъ въ немъ участвовали представители почти всѣхъ народовъ Европы, сражаясь противъ Наполеона или въ союзѣ съ нимъ. Въ этомъ сраженіи, въ которомъ русская армія, воодушевляемая личнымъ присутствіемъ Государя, предъ лицемъ всей Европы совершила чудеса храбрости, Наполеонъ былъ окончательно разбитъ и принужденъ былъ съ остатками своихъ войскъ отступить за Рейнъ.

Германія, гдѣ Наполеонъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ неограниченно распоряжался всѣми дѣлами, какъ въ завоеванной странѣ, была очищена отъ французскихъ войскъ, и владычеству Наполеона надъ западной Европой былъ положенъ конецъ.

Послѣ этого союзные государи, все еще не вполнѣ свободные отъ обаянія и страха передъ именемъ Наполеона, готовы были, по иниціативѣ Австріи, заключить миръ, считая войну оконченной. Но Императоръ Александръ, смотря на дѣло иначе, настоялъ на томъ, чтобы, не прекращая войны, перенести ее въ предѣлы Франціи: „Это будетъ не миръ", говорилъ онъ, „а перемиріе, которое вамъ позволитъ разоружиться лишь на минуту. Я не могу каждый разъ поспѣвать къ вамъ на помощь за 400 лье. Не заключу мира, пока Наполеонъ будетъ оставаться на престолѣ"...

Обезсиленная Наполеоновскими войнами, Франція не была въ состояніи оказать сильнаго сопротивленія громаднымъ союзнымъ арміямъ, съ разныхъ сторонъ надвигавшимся на Парижъ. 19-го марта 1814 года, послѣ незначительнаго боя въ

[1]) Городъ въ Саксонскомъ королевствѣ.

предмѣстьяхъ, столица Франціи сдалась на капитуляцію и была занята союзными войсками.

„Покореніе Парижа“, по словамъ одного изъ свидѣтелей славной эпохи, „явилось необходимымъ дополненіемъ нашихъ лѣтописей; русскіе не могли бы безъ стыда раскрыть славной книги своей исторіи, если бы за страницей, на которой Наполеонъ изображенъ стоящимъ среди пылающей Москвы, не слѣдовала страница, гдѣ Александръ является среди покореннаго Парижа“... Но безгранично великодушный русскій Государь и не думалъ мстить за пожаръ и разореніе Москвы; напротивъ, вступивъ въ Парижъ, онъ внесъ въ его стѣны не войну, но миръ, не разрушеніе, но полное забвеніе прошлаго.

Наполеонъ долженъ былъ отречься отъ престола и былъ удаленъ на небольшой итальянскій островъ Эльбу, предоставленный ему въ пожизненное владѣніе. На французскомъ престолѣ была возстановлена низвергнутая революціей династія Бурбоновъ въ лицѣ Людовика XVIII.

Но великій геній не могъ покориться постигшей его печальной участи. Воспользовавшись непопулярностью новаго правительства, возбудившаго своею дѣятельностью недовольство французскаго народа и войскъ, Наполеонъ въ началѣ марта 1815 года покинулъ островъ Эльбу, гдѣ ему было слишкомъ тѣсно послѣ всесвѣтнаго владычества, и, среди общаго энтузіазма французовъ, прибылъ въ столицу Франціи, чтобы еще разъ сдѣлать попытку возвратить себѣ утерянную корону и возстановить свою Имперію.

Но послѣдняя яркая вспышка генія Наполеона, извѣстная въ исторіи подъ именемъ „ста дней“, не могла отмѣнить приговоръ, который былъ произнесенъ надъ нимъ на необъятныхъ поляхъ нашего отечества.

Неожиданнымъ нападеніемъ одержавъ побѣду надъ пруссаками при Линьи, [1]) Наполеонъ былъ разбитъ при Ватерлоо [2]) соединенными англо-прусскими войсками, прежде чѣмъ успѣла прибыть русская армія, и, захваченный англичанами, по постановленію союзныхъ державъ, былъ сосланъ на отдаленный островъ Св. Елены, гдѣ, подъ строгимъ надзоромъ англійской стражи, томимый вынужденнымъ бездѣйствіемъ,

[1]) Селеніе въ Бельгіи.

[2]) Селеніе бельгійской провинціи Брабантъ.

онъ закончилъ свои дни печальнымъ узникомъ угрюмой скалы, затерянной среди волнъ необозримаго океана.

Императоръ Александръ, новый Агамемнонъ Европы, точно сдержалъ свое слово и не положилъ оружія до тѣхъ поръ, пока могущество Наполеона не было сломлено окончательно.

Свободно, наконецъ, вздохнула Европа и взоры ея съ глубокимъ благоговѣніемъ и невыразимой благодарностью были устремлены на русскаго Государя. Ему принадлежала главная честь освобожденія Европы отъ желѣзнаго ига Наполеона: непоколебимая твердость Императора Александра, его самоотверженное служеніе общему благу, стойкость и величіе духа въ борьбѣ съ общимъ врагомъ всей Европы окружили его память ореоломъ безсмертія.

Такимъ образомъ, твердой волей русскаго Царя, трудами его славныхъ сподвижниковъ и доблестными заслугами всего русскаго народа навсегда ниспроверглась жестокая власть тирана и не только въ Россіи, но и во всей Европѣ воцарились миръ и благоденствіе.

Преклонимъ же съ глубокимъ благоговѣніемъ наши головы передъ свѣтлымъ образомъ незабвеннаго русскаго Государя, воздадимъ должное его сотрудникамъ и вспомнимъ о тѣхъ великихъ и безчисленныхъ жертвахъ, которыя принесли они и весь русскій народъ на алтарь служенія Царю, Отечеству и всей Европѣ.

Содержаніе.